

ДЕМОКРАТИЯ — ЭТО НЕНАСИЛЬСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ. ЭТО ГЛАВНЫЙ КРИТЕРИЙ

Из выступления на заседании форума «Единой России» «Стратегия-2020» 15 сентября 2009 года

Владислав Сурков

участник Ярославской международной конференции

Владислав Сурков — Первый заместитель главы администрации президента

<...>

Я должен сказать, что у меня отношение к Ярославской конференции совсем другое.

Я уверен абсолютно, что мы можем добиться того, чтобы на территории Российской Федерации представители самых разных уровней интеллектуального сообщества, подчеркиваю — мирового бизнеса и государственных деятелей, — могли бы обсуждать, что такое современная демократия, чтобы это не привозилось к нам в виде поучений, каких-то наставлений, чтобы выработывались общие подходы.

<...>

Мне кажется, так и выходят на рынок. Конференция, на мой взгляд, прошла успешно, и президент задал правильный тон, именно толерантный, ничего не навязывающий. Аналогов немного, я, честно говоря, не знаю каких-то похожих заметных собраний, где обсуждаются теории государственного строительства и вопросы подходов к современной демократии. И мы могли бы быть одной из замет-

ных площадок. На самом деле, место это не так уж и занято, как кажется некоторым присутствующим.

Более того, я более оптимистично думаю про силу слов и пользу дискуссий, хотя вроде сам я занимаюсь вполне практичной, приземленной работой, но я абсолютно уверен, что наши дискуссии, наше обсуждение, наши слова, — все это делается не зря.

Я послушал выступления руководителей Франции и Испании, и я могу сказать, что они говорили то, что еще пять лет назад было не принято на их уровне. Ведь, как говорит наш президент, модные теории конца XX века почти исключали государство из будущего. Они исходили из того, что роль национального государства будет катастрофически снижаться. Считалось, что это уже стало аксиомой, но это не аксиома, это просто спорный тезис.

Время показало, что государство имеет значение, что суверенное государство имеет значение. Мы помним дискуссию внутри России о пресловутой суверенной демократии. Все претензии ведь именно к этому и сводились: что это за старье, какая-то архаичная теория, и так далее.

Напрасно говорили о том, что к суверенитету отношение меняется. Конечно, оно видоизменяется, но суверенитет есть, как есть государство, есть его функции, есть ответственность перед собственными гражданами, и сегодня это все говорится нормально.

Я процитирую Барака Обаму, который был в России... сейчас, я где-то себе даже выписал. А,

вот, он, кстати, заявил, что завершение Холодной войны не было победой Запада, в это внесли свой вклад Советский Союз и страны Восточной Европы. Мы говорили об этом много лет назад, но, казалось, что никто этого не слышал. Оказывается, слышали и запомнили!

<...>

Можно опять же спорить, насколько это политическая речь, что у нее внутри, я сейчас все это оставляю за скобками, но все-таки слова имеют значение. То, что Америка стала так говорить, — в этом, в том числе, абсолютная заслуга Путина и заслуга периода, когда Россия сочла возможным возвысить свой голос. Она была почти одна. Сейчас все об этом говорят буквально. А тогда — через несколько лет после вторжения в Ирак, когда и Франция успокоилась, и Германия, — мы остались одни, это было совсем недавно.

И то, что говорилось нам с вами руководством, тогда считалось немодным, а сейчас это очень современно. Это все звучало на конференции «Современное государство» в Ярославле, это все звучало не от нас с вами, все эти слова произносили лидеры и интеллектуалы западных государств. Оказывается, суверенитет — вещь современная, оказывается, национальное государство — современное. Оказывается, без этого никуда, вот ведь как.

<...>

Я бы хотел сказать, что то, что мы сейчас обсуждаем, то, что мы обсуждали [на конференции], статья президента, — все это имеет значение. Я на этом настаиваю, я в этом смысле очень уважаю труд интеллектуалов, труд мыслителей всех разновидностей.

<...>

Я уже слышал, читал комментарий на статью: вот, если бы вослед этой статье пошли отставки, вот тогда — да...

Разве отставка — это действие?

Ну, коллеги, ну, будем мы переставлять людей, но где при этом инновационная экономика? Стали бы мы свободнее? Да мы пережили миллиард этих отставок, неужели это и есть политическое деяние — отставка? Это примитивное мышление, какая-то неадекватная реакция на сложные экономические проблемы, которые есть в стране. Увольте этого, поставьте этого...

Много критиков, критика не обязана быть сверхсодержательной, ну, пусть кто-нибудь предложит какие-нибудь совсем конкретные подходы к модернизации. Вот поэтому я думаю, что этот настрой на очень постепенное эволюционное развитие, он крайне существенен, и надо очень серьезно к этой части статьи отнестись. Ведь так много торопящихся людей. Есть те, которые ничего не делают, а есть торопящиеся, а вот середины нет, которая вела бы планомерную работу.

И, кстати говоря, в статье много преемственного, это говорил когда-то Путин. Это тоже хорошо. Потому что есть люди, которые ищут здесь что-то такое... Как доказать людям, что преемственность, — это хорошо, это благо для государства?

Кто первый говорил о технологической отсталости? Об этом первым публично говорил Владимир Путин. И сейчас Дмитрий Анатольевич конкретизирует эти вещи. И берет на себя мужество, прямо скажем, достойное всяческого уважения, упоминать конкретные области. И говорит: «мы можем», «мы станем».

Я думаю, что мы должны ценить бережное отношение к обществу и политической системе, и не стремиться все перелопатить, надеясь, что из очередного

бардака что-то вырастет. Ничего этого не будет. Развивать надо аккуратно, не разрушая.

Про сторонников перманентной революции президент упоминает, ну, как раз хочу процитировать Льва Давидовича Троцкого, — это одна из моих любимых фраз, — показывающего, как думают сторонники перманентных революций. Думали тогда и думают сейчас так же. «Во всякой политической борьбе большого масштаба можно, в конце концов, услышать вопрос о бифштексе», — говорит Лев Давидович Троцкий почти без иронии.

Вот это вот представление о людях и о массах, как о людях, которые живут только мечтами о бифштексе, глубоко укоренено в сознании сторонников перманентных революций. Потому что сама теория перманентных перемен, когда людям не дают покоя, их этим насилуют, она исходит из презрительного и высокомерного отношения к тому, что ты видишь вокруг себя, из бескомпромиссности по отношению к реальности.

<...>

После них наступает либо диктатура, к моему сожалению, либо хаос и развал. Поэтому я считаю, что настрой на спокойное последовательное развитие, — это ключ к будущему.

<...>

Надо понять, что неограниченное всевластие групп отдельных, тем более крикливых, шумливых, — это не есть демократия. Да, демократия что-то исключает, потому что она основана на демократических институтах, а институты имеют границы. Значит, кто-то оказывается за пределами этих границ, хотим мы или не хотим, так устроено общество, любое общество.

Вопрос о прозрачности и открытости этих границ и их расширения или сужения — это уже вопрос дискуссионный, но мне кажется, то, за что критикуют постоянно Россию, — это все надуманно.

<...>

Поэтому нужно подходить серьезно к этим критериям, не делать их шутовскими, какими они были совсем недавно. Давайте посмотрим, сядем, посчитаем. Критерии надо найти, а это требует умственных усилий.

Я думаю, что ярославская конференция будет дельной только в том случае, если у нас всех вместе хватит ума предложить действительно конкретные, серьезные и несмешные, но в тоже время легко считываемые, легко объяснимые критерии того, что есть демократия.

И если мы сами в эти критерии не попадем, в этом тоже нет катастрофы, никто же не утверждает, что Россия является распрекрасной обетованной землей всемирной демократии. Конечно же нет! И об отсталости, и о патернализме, который нас, действительно, насквозь пропитал, и о коррупции... президент же опять открыто об этом в статье сказал, но это не повод впадать в какой-то нигилизм — мол, и конференция зря, и о стандартах мы зря говорили.

Нет, мы не зря с вами все это говорим! Я хочу, чтобы вы в это верили, что все, на мой взгляд, абсолютно не зря. Президент задал своим подходом довольно высокий стандарт обсуждения, на мой взгляд, это не вполне типичная статья для государственного деятеля такого масштаба, она, скорее, об основах нашего государства, нашей жизни, о серьезных задачах, о том, чтобы работа продолжилась. И мы научились двигаться постепенно, но не остановились.

То же самое касается и борьбы с коррупцией, она не решится

новыми отставками и даже тотальными посадками.

<...>

Давайте, наконец, пойдем, что не все так просто. Сколько людей... вот, китайцы там их казнят на стадионах, ну и что? Там что, нет коррупции? Есть. Но, может, там много государства? Хорошо, вот в Америке мало государства, — там что, нет коррупции? Когда Обама избрался, тут же начали продавать его место [в Сенате].

Это же мы понимаем, что это только маленький выскочил пример той системы, в которой еще много чего есть. Или в британском парламенте — скандал за скандалом идет.

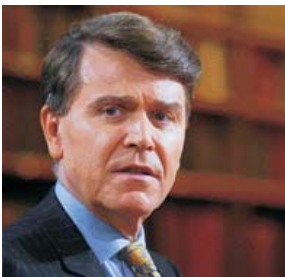
Но это не значит, что нужно утешать себя тем, что, вот, у них там такое, значит, и у нас ничего страшного. Это страшно, очень опасно и очень противно. Я абсолютно поддерживаю, мне кажется абсолютно правильной та некроважая идеология, которую выбрал президент, — постепенных, но неуклонных действий, которые направлены на изменение сознания хотя бы высшего чиновничества, хотя бы через открытость, через какие-то декларации.

Президент — человек, очень шепетильно относящийся к человеческой жизни, к безопасности, он не желает того, чтобы жестоко наказывали, как у нас часто любят. Это все слова, пока ты на себя это не примеряешь. Давайте, может, эту жестокость умерим в нашем обществе.

Я опять же хотел завершить на ключевом слове. Демократия — это ненасильственные методы. Ничего тут общего с толстовством, конечно, нет, речь идет о минимизации насилия в обществе, о минимизации репрессивной роли государства, настолько, насколько позволяет реальность. И мне кажется, что этот критерий демократии, — он главный. Чем менее репрессивно государство, как бы сложна ни была жизнь, какие бы вызовы оно ни проходило, если оно исходит из того, чтобы минимизировать [карательную] свою функцию, тогда оно стремится к демократии, или является демократическим и вполне современным.

Это — ключевое слово в политической философии Дмитрия Анатольевича Медведева. ■

ООН и G-N — ГЛАВНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ БУДУЩЕГО

ТЬЕРРИ ДЕ МОНБРИАЛЬ — президент Французского института международных отношений, академик, профессор экономики и международных отношений, член редакционной коллегии газеты «Le Monde». Постоянный автор «Русского журнала».

Участник Ярославской международной конференции «Современное государство и глобальная безопасность».

Мир стал многополярным, гетерогенным и глобальным. Нет ни одной страны мира, включая и США, которая в одиночку может управлять целым миром.

Гетерогенность подразумевает важность идеологий. Согласно Фукуяме, мир в ближайшем будущем будет управляться политическими режимами с разными идеологиями, а западные идеи в ближайшие 20–25 лет не будут распространяться по всему миру очень быстро. **После развала СССР Запад сделал очень большой упор на идеологических факторах.** Сегодня же странам с разными идеологиями придется учиться работать вместе.

«Глобальный» мир — это взаимозависимый мир. Сейчас процесс глобализации поставлен на карту: если процесс глобализации застопорится, то с большой долей вероятности возникнет катастрофический сценарий, наподобие ситуации накануне Второй мировой войны, либо «холодной войны». Главное — суметь должным образом решить проблемы глобальной управляемости. Есть два основополагающих принципа эффективной управляемости. Первый — это **достижение баланса между глобальными и региональными**

ми организациями. Слабость последних — одна из причин недостаточной эффективности ООН. Кроме того, некоторые проблемы (такие как ситуация на Ближнем Востоке) важны для стабильности всей международной системы и должны серьезно рассматриваться на уровне ООН, чего сейчас нет. При этом ООН по возможности должна решать большую часть проблем Ближнего Востока, за исключением иранской, на региональном уровне.

Второй принцип — работа в рамках G-N (определенного количества стран по образцу G-8 или G-20). Формат G-2 (США + Китай) эффективен только для работы по конкретным вопросам и на начальном этапе, так как G-20 сталкивается со слишком большим количеством проблем. **Если нет возможности решить некую проблему в рамках G-N, тогда ее нужно перенести в систему ООН.** Статус члена G-N предполагает не только права, но и обязанности, и ответственность. Каждая страна должна что-то привнести в альянс, будь то использование вооруженных сил, вклад в поддержание мира или в принуждение к миру либо вклад в области экономики. ■